

ВАЛЕНТИНА УВА

МЫ ТАКИЕ ВСЕ
РАЗНЫЕ...

Валентина Ива
Мы такие все разные...

«Десятая Муза»

2016

УДК 82-31
ББК 84

Ива В.

Мы такие все разные... / В. Ива — «Десятая Муза», 2016

ISBN 978-5-9908365-0-1

Сюжеты, накопленные в памяти, душе и сердце, обросли моими фантазиями и превратились в этот небольшой сборник рассказов. Чувства, которые во мне пробудили события прошлых лет, сродни мечтам. Все совпадения с реальными событиями и персонажами совершенно случайны. Ничего так не сближает людей как любовь во всех её проявлениях: к природе, к работе, к близким людям, к Отечеству и нет ничего главнее этого прекрасного чувства во все времена. Вот и царит любовь почти в каждом из моих рассказов.

УДК 82-31

ББК 84

ISBN 978-5-9908365-0-1

© Ива В., 2016

© Десятая Муза, 2016

Содержание

Мы такие все разные...	5
Безголовая утка	9
Возраст	12
Гостеприимная консерватория	15
Два процента	18
Две яйцеклетки	21
Заварка для белья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валентина Ива

Мы такие все разные...

Мы такие все разные...

Сегодня среда. Дождь льет как из ведра. Оля стояла в редкой толпе «беззонтичных» несчастных, которые не решались вымокнуть до нитки и у выхода из метро ждали жиденького небесного просвета. Небо непроницаемо наливало все большей теменью, и струи сменились на потоп.

Почему, когда смотришь на дождь даже из теплого дома, прислоняясь бедром к подоконнику или опершись на локти, наваливается какая-то безысходность, удрученность и тоска? Сейчас, подрагивая от холода от макушки до хвоста, драматичная нота безнадеги гремит как форте, все громче и громче.

До дома десять минут пешком. Ноги все равно уже вымокли и, решительно шагнув под влагу небесную, Оля дробно застучала каблучками по тротуару. Холодные струи мигом намочили голову и потекли за шиворот. Поживаясь, замерла на светофоре, ощущая, как струйки добрались до поясницы. В надежде согреться молнией пересекла перекрёсток, подлетела к уличной лестнице и у самых перил поскользнулась на мокрой земле и, подломив подъем правой ступни, кубарем съехала вниз по земельному склону, плотно приложившись лицом к слабо пробивающейся весенней травке. Никогда не замечала за собой склонности раскрывать рот в непредвиденных обстоятельствах, ни от удивления, ни от восторга. Эта черта личности ей не была присуща, но сегодня, с набитым землей ртом, из которого торчали отдельные весенние травинки, Оля даже заплакать не смогла от острой боли, пронзившей ногу. Холодная мокрая земля, ручьи и даже реки стекающей воды, и она, сидящая у подножия склона в разорванных колготках с наливающимся черным синяком на стопе.

– Вставай, красавица! – крепкие руки подхватили Олю за талию.

– Идти можешь? – женщина поддерживала свои сумки, Олю и зонт над их головами.

– Наверное, нет, – Оля выплюнула землю и заплакала.

Женщина, велела Оле держать зонт, достала из кармана телефон и позвонила: «Слава, ты дома? Очень хорошо. Быстро выходи на улицу. Я за углом нашего дома. Помоги мне».

Через две минуты Оля сидела на маленькой табуреточке в ванной комнате хозяйки квартиры, умывалась, отплевывалась от земли и песка, так щедро закусилась которыми при полете со склона, чистила зубы, теплый халат обнимал её дрожащее тело, а махровое полотенце, навешенное на голову, сушило волосы.

– Судя по гематоме, у тебя перелом, – деловито констатировала хозяйка, – сейчас отмоешься, и Славик отвезет тебя в травмпункт.

Надежда, так звали спасительницу, плотная, но с тонкой талией, с необыкновенно красивыми чертами лица, карими глазами и черными вьющимися волосами, внушала надежду и спасение, а также мир во всем мире и в собственной квартире.

Кольцо безысходности замкнулось на уличной лестнице, а сейчас чужие люди говорили с ней как с родной, и ближайшая перспектива разорвала замок тоски, и Оля почувствовала, что все-таки ничего такого страшного не случилось, бывает и хуже. «Какие мы все разные...» – подумала Оля.

Несмотря на проживание в мегаполисе, Надежда спокойна, гармонична, с юмором, не вздыхает поминутно, не брюзжит и не рефлексировает, говорит тихо, дружелюбно, по делу и не удивительно, что её сын беспрекословно подчиняется, и видно, что он – её правая рука.

– Мне нужно позвонить, у меня сел телефон, – Оля боялась пошевелить ногой, и когда Слава подал ей свой мобильник, она осторожно, не поворачиваясь, взяла его.

Слава занес её на третий этаж как легкое перышко. Она крепко держалась за его тонкую шею. От него пахло мужским чем-то, совсем чуть-чуть. Мальчишка – шестнадцать лет, а сильный, мускулы как железо. Он шел по ступенькам вверх легко и свободно, даже не задохнулся, настоящий мужчина.

Олин сын, шестилетний Саша, гостил у бабушки, а мобильный телефон мужа советовал позвонить позже. Маме Оля звонить не стала и поняла, что отказываться от помощи Надежды не следует. Слабая попытка объяснить, что она тут совсем не далеко живет, через какие-то три дома, утонула во взгляде Надежды.

– Ну, что? Дома нет никого? У Славы есть права, сейчас машину подгонит и отвезет тебя в травму. Это нужно сделать срочно и ждать нет смысла. Одежду я тебе сухую и приличную дам.

Оле казалось, что они с Надеждой почти одного возраста, но она говорила Оле «ты», а Ольга отвечала ей «Вы» почему-то.

Завтра в 10.00 нужно было ехать в Долгопрудный на авиационный завод проводить испытания прочности привязных ремней с использованием нового макета с испытательным манекеном. Оборудование для испытания поясных ремней и стропов для рабочего позиционирования давно разрабатывалось в КБ «Долгопрудный». Все соответствия родным и международным требованиям долго отработывались и согласовывались. Одному обсуждению массы манекена посвятили два дня. Теперь все позади, осталось провести испытания на динамическую прочность и можно готовить ГОСТ для утверждения.

– Слава подъехал, – тихо сказала Надежда, выглядывая в мокрое от дождя окно.

– Если со стулом, то я на одной ноге допрыгаю до лифта, – вздохнула Оля, поморщившись от боли.

– Спокуха, Хрящ, в тебе-то есть 50 кг, или только 45?

– Вы зря, я тяжелая...

– Напиши свои координаты, вещами потом поменяемся. Слава, давай: ты с одной стороны, а я – с другой...

– Да я так донесу, – он подхватил Олю на руки и побежал по лестнице вниз.

Кипучая жизнь травмы районного масштаба просто поразила Олю. Оказалось, что люди только и заняты тем, чтобы падать и ломать свои дорогие сердцу и телу кости. Пожилые и молодые особи разных полов на костылях, на каталках, на инвалидных креслах, на руках у сопровождающих, с травмированными ногами, руками, головами, плечами, спинами, пальцами рук и ног заполняли коридор травмпункта и медленно мигрировали на рентген и обратно. Из кабинета выходили или выезжали уже загипсованные, с грустными глазами, с перспективой месячного пребывания в четырех стенах, они и не подозревали, как необходимо иногда остановиться и подумать. Посмотреть вокруг. Никуда не торопиться. Мы такие все разные, уникальные, необыкновенные, удивительные, талантливые, но всех нас объединяет любовь, доброта и сочувствие, а разъединяет ненависть, злоба и зависть.

Оля подумала, что жизнь полна парадоксов. Почему, например, травматический пункт расположен на пятом этаже, а лифт не работает. При этом рентген – на втором этаже, а без него в травме никуда. Лестница, наполненная увечными, ползущими на рентген и обратно, такими обреченными и беспросветными, что Оля опять вспомнила дождь и секунды до стремительного побега к неминуемому склону, предназначенному судьбой.

– Слава, вы идите. Я доберусь на такси.

– Я не тороплюсь.

Мальчик не был многословен. Молча, помогал ей идти. Ждал. Снова помогал и снова ждал.

Оля прокручивала строки из проекта ГОСТа:

– пункт 6.3.2.2 Подвешивают манекен за его верхний присоединительный элемент и поднимают его так, чтобы элемент крепления ремня был на уровне анкерной точки конструкции и так близко к ней, насколько это возможно (без риска контакта во время падения).

Удерживают манекен торса с помощью устройства быстрого расцепления.

– пункт 6.3.2.3 Отпускают манекен без начальной скорости ногами вперед для свободного падения примерно на 1 м, прежде, чем строп для рабочего позиционирования получит натяжение. Наблюдают, будет ли манекен высвобожден поясным ремнем.

Когда Оля доберется до дома, то обязательно попытается дозвониться до заведующего отделом. Конечно, он в отпуске, но только он может завтра заменить Олю. Она точно знает, что он в Москве.

Загипсованная от пальцев стопы до колена нога стала холодной и тяжелой. Олю стала опять колотить дрожь, то ли от холода, то ли от простуды.

Когда Слава принес Олю домой, на улице уже было темно. В доме тоже было темно. Лежа на диване, укрытая толстым пледом, Оля тряслась так, что подрагивали кисточки. Слава принес градусник, который долго искал в аптечке. Поставил чайник. Сквозь шум крови, пульсирующий в ушах, Оля слышала отдельные фразы звонящего по телефону мальчика: «...Температура... сейчас... тридцать девять... не знаю... никого... Берзарина... двадцать... хорошо...».

Через мутную пелену затуманенного сознания Оля видела кухонный свет, наискосок падающий в комнату. Она закрывала и открывала глаза, ей казалось, что она летит над землей, раскинув руки, как крылья, и опускается на текущую, красную, раскаленную лаву, но не касается её.

Один раз ей показалось, что мальчик поправляет плед и её загипсованную ногу и нежно целует её испачканные мелом пальцы, торчащие из гипсовой повязки.

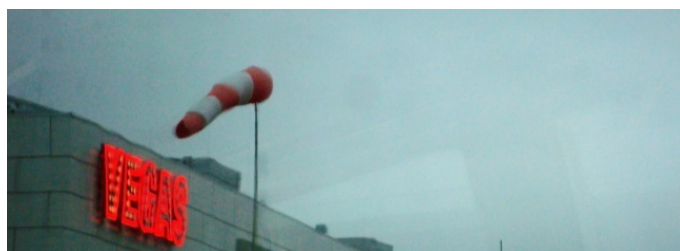
На следующий день муж Павел рассказал, что когда он приехал из Подольска уже ночью, в два часа, телефон, естественно, разрядился, то обнаружил дома раненую жену в окружении красивой женщины с сыном, которые ухаживали за простуженной и обезноженной нахохлившейся «курицей». Поили её медом, травяным чаем, аспирином и т. д.

С этого момента приятельские отношения перешли в дружеские, пока Надежда с сыном не уехали к мужу в Америку.

Через десять лет Славка приехал в Москву и зашел к Оле в гости. Много рассказывал о своих путешествиях, а когда уже и выпили, и закусили, и пора расходиться, Оля погасила у спящего Павла и Саши свет и вышла проводить Славку. Смущаясь и смеясь, она, раскрепощенная вином, отважилась спросить: «Скажи, Слава, мне приснилось, или нет? Когда я заболела, и ты принес меня домой, помнишь? Когда я сломала ногу?.. Ты поцеловал, или мне пригрезилось?».

Молодой и красивый, полный жизни и света, изменившийся и прежний, он опустил голову, рассмеялся и тихо сказал: «Когда я сбивал колени в кровь, мама дула на них и целовала, и все проходило быстро и легко. Ты стонала во сне, тебе было больно. Я поцеловал пальцы твоей раненой ноги. Хорошо, что пришла мама, а то я бы не смог остановиться. Я и сейчас тебя очень, очень люблю. Я приехал специально, чтобы разочароваться и освободиться. Я хочу на волю. Ты знаешь, в моей жизни самым главным было путешествие с тобой на руках. Ничего сильнее и счастливее я с тех пор не испытал. Вот такой я болван. Прощай, Оля!».

Безголовая утка

После бурных рыданий с завыванием, после капель валерьянки и валосердина, Маша перестала всхлипывать, посидела, охватив колени, покачалась, тупо глядя в одну точку, вытерла нос и пошла умываться. Мама стояла под дверью ванной комнаты и прислушивалась: плачет или нет? Струя воды прекратилась и в ванной воцарилась тишина. Эти мёртвые мгновения показались маме вечностью. Она хотела постучать в дверь, но не решалась.

Этот чёртов Саша истрепал дочке все нервы и вынул всю душу. Сколько можно терпеть его дурацкие выходки! И не женится на Маше, и не оставляет её в покое. Хотя ясно давно, что покоя Маше не требуется. Ей необходим только он, этот козёл с духовным садизмом и вечным недовольством всем и вся.

История обыкновенная и простая как хозяйственное мыло. Интересно, кто-нибудь из молодежи знает, что такое хозяйственное мыло, как оно пахнет и как яростно можно им отстирать все что угодно?

Маша резко распахнула дверь и звонко треснула ею мать по лбу.

– Стоишь. Подслушиваешь!

– Чего бы мне подслушивать? Ты что? Сама с собой секретами делишься? Я и так все знаю...

– Молодец, знай на здоровье.

– Машенька, ты бы поберегла свое здоровье. Ну, зачем тебе так неразумно и отчаянно страдать?

– Страдать нужно разумно, а рыдать – сосредоточенно! Оставь меня в покое, прошу тебя. У меня все хорошо, – и Маша закрыла дверь своей комнаты перед маминым носом.

Александр Сергеевич Мушкин (всего одна буква подкачала, а как бы мог гордиться!) заведовал кардиологическим отделением Центральной клинической больницы южного административного округа города Москвы. Разведен. Красив. Врачен, но, когда в духе и под небольшим градусом, офицеры Его Величества Лейб-Гвардии Семеновского полка просто умерли бы от зависти к его галантности, остроумию, глубине познаний, умению шутить, неистощимому запасу историй и анекдотов.

Машенька работала в хирургическом отделении. Их служебный роман развивался на фоне его угасших отношений с главным врачом больницы Казимирской Любовью Петровной. После праздничной новогодней искры, пролетевшей так ярко и тревожно между Машей и Сашей, старшая медицинская сестра шепнула Любви Петровне на ушко: «Глядите, рука не остыла от одного букета, а он уже второй собирает...».

Вскоре Казимирская ушла в министерство на повышение, но красавца Мушкина забыть не могла и предложила ему место, о котором напористо хлопотала перед начальником департамента. Но было уже поздно. Мушкин влюбился и от места отказался, чем обрек себя на многочисленные производственные проблемы.

В эти злосчастные выходные Маша и Саша собирались провести на кораблике «Илья Муромец». Старый, но еще не развалившийся пароход обещал доставить их в Калязин, Углич, Мышкин и обратно. Машеньку неожиданно поставили дежурить с субботы на воскресенье. Что это происки Казимирской, ей даже в голову не пришло. Она применила все своё обаяние, доброту и напористость, чтобы найти замену, но – тщетно. Когда Маша сообщила Саше, он, замотанный работой, бывшей женой и детьми, как ей показалось, даже не расстроился, а просто и без затей вылетело: «Хоть отдохну...». Конечно, это не трагедия и даже не драма, но когда Маше позвонили и сообщили, что Мушкин взял с собой медсестру из терапии, Маша помертвела.

Везде тебе доступно и просто объясняют в популярной литературе, учебниках, в тематических передачах по телевизору, в соцсетях и так дальше, что если мужчина переспал с женщиной, то это еще не любовь, а просто ему необходимое физиологическое действие, связанное с природными, независящими от нас посылками. Ты можешь покивать головой и даже, как врач, согласиться. А потом прибежать домой и выпустить всю накопившуюся влагу ручьем, фонтаном, как угодно, с завываниями и причмокиванием, с загрызанием подушки и грубостью маме...

Дежурство Маши прошло без эксцессов. В понедельник утром Маша искала глазами Мушкина по всем коридорам и даже «случайно» заходила зачем-то в кардиологию. Его нигде не было, как, впрочем, и медсестры из терапии.

Утром во вторник зазвонил домашний телефон. Мама тяжело вздохнула и сказала: «Машенька, тебя».

Неизвестно, что ей говорил Александр Сергеевич, но Машенька переменялась в лице и три раза произнесла: «Да. Да. Да». Потом перезвонила на работу и взяла отгул. Опротомею бросилась в свою комнату. Через три минуты вылетела румяная, намакияженная, надушенная любимыми духами и полетела..., бросив на ходу: «Он заболел. Простудился на пароходе...».

Мама тяжело вздохнула, присела на краешек стула и вспомнила свой детский двор. Соседка тетя Люба на пеньке рубит головы уткам и курам. Готовятся к свадьбе дочери. Дети старого барака стоят невдалеке и с ужасом и интересом наблюдают за действием. Маленькая

будущая мама вздрагивает при каждом звуке, рубящем головы. Хряк! Хряк! Звучит ужас жизни. Головы уток и кур летят в один таз, а тушки – в корыто. И вдруг обезглавленная утка взмахнула крыльями, выскочила из корыта и, как оглашенная, побежала невесть куда. Прочь от этого кровавого мира! Магия страха завладела девочкой. Утка без головы с такой жизненной силой неслась неведомо куда, что, казалось, будто она обязательно спасется...

Её мятущаяся дочь показалась ей этой самой безголовой уткой. Ей стало больно и горько, и она безнадежно заплакала. Плакала долго, пока вся боль за дитя не ушла и не облегчила душу.

Возраст

Всякий человек знает: чем раньше вы получаете водительские права, – иными словами, чем вы моложе, – тем легче дается и их получение, и обретение навыков вождения. Если вам за пятьдесят и вы, кроме как лошадью, запряженной в телегу, больше в жизни ничем не управляли, то осложнения при вождении могут возникнуть самые разнообразные.

Иван Осипович Смехатун приобрел мотоцикл с коляской под названием «Урал». В небольшом городке, где он проживал с женой Антониной, без средства передвижения, как без рук. Поехать на дачу и привезти собранный урожай, прокатиться в местные леса и поля для сбора ягод и грибов или даже добраться с ветерком до работы – вот почти предел мечтаний любого, кто перевозил или перетаскивал на себе мешки с картошкой или по какой-либо другой необходимости страдал от отсутствия средства передвижения.

Имея высшее образование по специальности «инженер-электрик», при всем при этом Иван Осипович не отличался мастеровитостью, то есть, мягко говоря, руки росли не отсюда. Техника такого рода, как мотоцикл с коляской «Урал», автомобиль «Волга» и так дальше, требовала тесного соединения водителя с «конем» и непрерывного участия в подмазывании, подкручивании, подтягивании, одним словом в «диагностике» и «лечении» этого самого «коня». Какие-то релюшки, шланги, тяги и т. д. были сделаны из некачественной пластмассы или ржавого металла и требовали (вопили и стонали) непрерывного участия обладателя этих геморройных средств передвижения в пространстве. Когда, в редкие мгновения жизни, вдруг «Урал» целый день был на ходу, Осипович нежно гладил его рукой и приговаривал: «Ведь можешь, когда хочешь!». И вот однажды...

В ясный солнечный летний день, когда почти все соседи принесли в свои дома по корзине отборных белых грибов, Иван Осипович строго сказал своей Антонине: «Завтра, ни свет, ни заря, пораньше стартанем на «Урале» через паром за канал. Я знаю такие места, что беленькие сами будут прыгать в корзину!» Так они и сделали. Едва забрезжил рассвет, по небу без единого облачка стало понятно, что день будет солнечный и великолепный, они вышли в путь. Мотоцикл завелся с пол-оборота и через пять минут Осипович притормозил около парома. Поскольку навыки по вождению оставляли желать лучшего, заезжать на паром с размаху он опасался, вдруг вместо тормоза нажмет по газам и, промахнув паром, сиганет в глубокий канал имени Москвы. Они с женой впряглись в «Урал» и бережно закатали его на качающиеся сходни. Недоуменный взгляд сопровождающего паром просто проигнорировали. На другом берегу Осипович лихо нажал педаль, «Урал» чихнул и пискнул. Взволнованный хозяин еще раз вдохновил систему зажигания, мотоцикл завелся, и радостный водитель с женой унеслись на встречу с природой.

В районе деревни Куликово собиратели грибов остановились, замороженные зеленым, слегка шумящим от ветерка, лесом. Не подозревая, в каких чудесных местах они находятся, супруги осмотрелись окрест себя, поставили корзины и принялись собирать прыгающие прямо в руки боровички.

Куликовское сельское поселение находится в северо-западной части Дмитровского района на самом краю Подмосковья и по реке Сестре граничит с Тверской областью. К слову сказать, большая часть границ района пролегает по рекам и каналу им. Москвы. Водные артерии взяли в полукольцо обширные территории района. Внутри этого символического полукольца глухие леса с охотничьими и природными заказниками, ручьи, речки и болота.

История Куликовского поселения известна своими многочисленными находками. Так, в 1968 г. в окрестностях Куликова западнее деревни Давыдково археологом В. В. Сидоровым была найдена и исследована стоянка древнего человека эпохи неолита (6–3 тысячелетия до н. э.), именно в этот период природа северного полушария приобрела облик, близкий к совре-

менному. В те далекие тысячелетия стоянка располагалась на пологом песчаном берегу бывшего здесь озера. Каменные находки на месте стоянки (кремниевые орудия, ножевидные пластинки, резцы и скребки, шлифованные топоры и тесла, кремниевые наконечники стрел и копий, рыболовные грузила), а также остатки жилищ с очагами, обложенными камнями, рассказали о быте древнейших поселенцев края, главным занятием которых были охота на водоплавающую птицу и рыболовство.

На берегу реки Сестры грибники остановились, вдохнув полной грудью красоту летней природы этих сказочных мест. Река Сестра, как и все реки Дмитровского района, принадлежит бассейну великой русской реки Волги. Сестра берет свое начало от Сенежского озера, впадает в Дубну, а Дубна – в Волгу. Так, несколько столетий назад на лодке по Сестре, а из нее – по Яхроме, царь Петр I добирался до Николо-Пешношского монастыря, проверяя возможность постройки канала, соединившего бы Волгу с Москвой.

Ничего не подозревающие грибники бродили по местам древнейших стоянок людей неолитовой эпохи и местам, которые посещал сам Царь земли Русской и, потрясенные обилием природных даров, с восторгом заполняли корзинки и рюкзаки добычей с грибным ароматом.

Наступило время обеда. Голодные и счастливые добытчики запили бутерброды крепким чаем и устало побрели к мотоциклу «Урал». Тут и поджидал их судьбоносный сюрприз в виде полного отказа мотора мотоцикла «Урал» завестись и поехать до дому. Как ни старался Осипович высечь искру зажигания, как ни продувал, как ни смазывал, как ни умиленно молил завестись, как ни матерился всеми известными ему словами, мотоцикл «Урал» молчал, как партизан, равнодушно и тупо взирая на потуги хозяина. Осталась последняя надежда. Они стали толкать агрегат, а по дороге Осипович педалировал рычаг зажигания и... мотоцикл завелся. Ура! Как только Антонина остановилась и перестала толкать железного коня, мотор тут же заглох. Они повторили эксперимент. Он прошел успешно, и Осипович потихоньку поехал со словами: «Сейчас я развернусь, а ты запрыгивай на ходу в коляску!» Надо заметить, что Осиповичу стукнуло пятьдесят четыре года, а его жена, с которой он прожил всю свою жизнь, была на шесть лет старше. Немножко грузноватая фигура Антонины давно утратила легкость и сноровку движения тела. Первая попытка запрыгнуть в коляску «Урала» потерпела фиаско: Антонина «промахнулась» и упала в траву. Ободрав коленку и смахнув слезу отчаяния, она вспомнила все слова нецензурных выражений, которые накопились с детства.

– Запрыгивай! – кричал Осипович, очередной раз развернувшись и тихонечко, как ему казалось, просвистел мимо раненой Антонины.

– Пошел ты в ж... у! – В отчаянье закричала жена. – Я пойду до парома пешком, чтоб ты провалился со своим «Уралом»!

– Подожди, Тонечка, я иду на пятый заход, – издали разворачивая мотоцикл, кричал Осипович и, пролетая мимо Антонины, добавил: – До встречи у парома-аа!!!

– Чтоб я... еще когда-нибудь... поехала с тобой!!! Никогда!!!

– Ты заблудишься... – совсем тихо, издали, прокричал муж.

– Не заблужусь, черт бы вас драл с вашим мотоциклом!

Антонина вздохнула и медленно побрела по дорожке в сторону канала. Когда треснула веточка под её ногой, она вздрогнула, испугалась и вспомнила, как сын готовил сообщение на классном часе о родном крае: «...В лесных массивах этих мест водятся лоси, олени, волки, лисицы, зайцы. Заходит из соседней области медведь. В старых строевых лесах встречается рысь. По рекам очень много бобра. Болота, развитые по рекам, дают приют болотной птице. Здесь гнездятся журавли, серые цапли и выпь. Но особенно характерны для болота кулики, которых здесь исторически великое множество – от самого нарядного – турухтана – до самого маленького – перевозчика. Яркие чибисы, мечта любого охотника – дупель, бекас, кроншнеп, вальдшнеп – тоже все кулики. Не зря эта небольшая шустрая птичка дала название селу Куликово, а оно – сельскому поселению. В лесах встречается тетерев, глухарь, рябчик и серая куро-

патка. Болота по реке Сестре и Дубне издавна были местом гнездования уток. Там же обитают дневные луни и ночные болотные совы. Из змей водятся гадюка, медяница и уж. Рыба служит предметом ловли на Сестре, в бывших карьерах, оставшихся после торфоразработок и заполненных водой. В омутах порой вылавливают сомов громадной величины. Водятся: лещ, щука, окунь, плотва, караси...»

Теперь под каждым кустом ей мерещился медведь или лось, в крайнем случае – волк. Она подняла палочку с земли и приготовилась защищаться от зверей, но в синем небе, несмотря на полуденный зной, пролетали только серые цапли, да в зарослях щебетали птицы. Скоро её нагнал маленький автомобиль Ока.

– На паром? – спросил водитель. – Садись мать, довезу.

Они на несколько мгновений обогнали мотоцикл «Урал». Веселое и не унывающее лицо её мужа светилось успехом грибника-добытчика. На паром «коня» опять завозили вручную под ироничными взглядами пассажиров.

Через пару месяцев Осипович продал заветный «Урал» своему сотруднику и с тех пор больше не садился ни за какой руль.

– Возраст есть возраст, – сказал Иван Осипович и тяжело вздохнул.

Гостеприимная консерватория

Свежий прохладный воздух обдувал мое разгоряченное лицо. Стремительной походкой я летела в консерваторию послушать Московский камерный оркестр Musica Viva, программа которого сегодня, в первый день апреля, называлась «Веселые арии Моцарта». Большой зал консерватории давно ждал меня или, простите, я скучала по нему, так как почти год туда не ступала моя нога. Время меня не прессовало и не поджимало, но вечная нехватка этого неосязаемого рукой и глазом, сиюминутного, но вечного и невозвратимого, всегда заставляла торопиться. По необъяснимому природному закону – даже, скорее всего, беззаконию – я тихонечко про себя поругивала своего зятя, которого почему-то всегда хочется поругать, а не похвалить. В данном случае он страдал радикулитом, и это уже не в первый раз. Я говорила, я предупреждала, что если у тебя такая проблема, то не торчи на холодном балконе в тоненькой футболке целый час – очевидно же, что это плохо кончится! Так оно и вышло. Я жалею свою дочь. Конечно, она достойна лучшей участи. Непонятно, почему она вцепилась в этого очень посредственного мужичку. Его даже мужчиной назвать-то нельзя... так, стручок какой-то, а имя, господи прости, Андрей Прокопьевич...

С этими мыслями, обернувшись на Храм в честь Вознесения Господня на Большой Никитской улице, мимо которого я и спешила, неведомая сила на ровном месте ткнула меня в спину, подбросила малюсенький камешек под стопу, и я рухнула на четвереньки, вдребезги разбив оба колена, разорвав мои любимые чулки фирмы Gunze и так ушибив локоть, что тихонько завывала тоненьким голосом. Немолодой мужчина подал мне руку, и я медленно поднялась.

– Идти можете? – спросил он глухим голосом.

– Может быть, и могу, – прошептала я, крепко вцепившись в рукав его пальто.

Я пошевелила, пальцами обеих рук, хотя ушибла только одну, потом согнула и разогнула ноги в коленках и поняла, что жить буду, и только потом отпустила рукав доброго человека.

– Спасибо! Вы очень добры.

– Врач нужен?

– Нет, спасибо.

И тут я вспомнила, что этот храм, с начала тридцатых годов XIX в. именуемый «Малым Вознесением», в отличие от вновь построенного «Большого Вознесения» за Никитскими воротами, впервые упоминается в московских летописях около 1548 года. Со второй половины XIV века здесь проходила дорога на Великий Новгород через Волоколамск, и храм, предположительно, возник как центр находившейся здесь слободы новгородцев и устюжан. Каменная церковь была построена «на месте древней деревянной» царем Федором Иоанновичем в память о его короновании в день праздника Вознесения Господа нашего Иисуса Христа. Южный предел Прокопия и Иоанна Устюжских впервые упомянут в 1690 г. Видимо, тогда и был построен существующий ныне каменный южный придел, посвященный удивительному святому Северной Руси – православному Прокопию, Христа ради юродивому Устюжскому чудотворцу. Прокопьевский придел, устроенный новгородцами и устюжанами в своем храме на Большой Никитской, был и остается единственным ев. престолом в г. Москве, освященным в честь этого святого.

Прокопий перешёл из католицизма в православие. До этого был любекским ганзейским купцом знатного прусского рода. Впоследствии «эмигрировал» со всем своим богатством на Российские земли. Роздал все бедным. Жил на подаяние, был одет в рубище. Спал блаженный обычно на сырой земле, на куче мусора или на камнях.

Колени мои саднили, рука ныла. Прокопий вертелся в голове. Забыла сказать: по образованию я – историк. Читаю лекции в университете о Древней Руси.

В 1290 году Прокопий якобы предвидел стихийное бедствие – сильную бурю с грозой, лесными пожарами и смерчем большой разрушительной силы, явившимися следствием падения метеорита в 20 верстах от Великого Устюга. За неделю до падения метеорита Блаженный Прокопий начал ходить по городу, призывая со слезами жителей Великого Устюга каяться и молиться, чтобы Господь избавил город от участи Содома и Гоморры. В течение недели праведник предупреждал о скором суде Божиим, но ему никто не верил. Когда же разразилась буря, жители бросились в самое укрепленное и безопасное здание города – соборный храм, где застали молящегося за них и за спасение города Прокопия.

Не сирота меня Прокопий наказал: имеющий уши— да услышит, имеющий глаза – да увидит...

До концерта осталось двадцать пять минут. У меня было три варианта: 1. Пойти на концерт и отдаться музыке Моцарта. 2. Зайти в храм и поставить свечу иконе «Моление Прокопия и Иоанна Устюжских иконе Благовещения». 3. Поехать домой, поплакать и пожалеть себя, любимую.

Я выбираю первый вариант и медленно бреду к входу в Большой зал консерватории. Обхожу толкающихся, по мере возможности лавирую между скоплениями людей и благодарю бога за науку и за то, что моя юбка достаточной длины, чтобы закрыть кровавые колени.

Билет мой недорогой, поэтому я пробираюсь в амфитеатр, где злобная служительница недоброжелательно тыкнула моим билетом в пространство: дескать, вам туда. Все устроились. Время пришло и голос «за сценой» произнес громко и четко: «Вольфганг Амадей Моцарт. Симфония № 1 ми-бемоль мажор. В трех частях».

Оркестр застыл в ожидании маэстро... и вот он, Филипп Ричевский. Я увидела этого достаточно известного дирижёра впервые. Тонюсенькая фигура в черном обтягивающем трико, в черном же кардигане до колен и в лаковых сапогах, опять же черных и до колен. Несколько необычный костюм для дирижёра. Зазвучала первая часть симфонии и мои травмы подверглись благотворному лечению великой музыкой.

Маленькая пауза между первой и второй частями симфонии мощно нарушилась «головом за сценой»: «Ария Дон-Жуана из оперы «Дон-Жуан», – провозгласил неведомый бармадей, о-очень плохо исполняющий свои обязанности ведущего концерта. Дирижер окаменел. Чтобы спасти его от ступора, видимо должна была прилететь прекрасная принцесса и поцеловать его, чтобы он оттаял, но с принцессами в этот вечер была напряженка... Черные, до плеч, волосы Филиппа встрепнулись. Пауза затянулась. Маэстро тихо приходил в себя... Началась вторая часть симфонии...

Арии графа и графини из «Свадьбы Фигаро», дуэт Папагены и Папагено из оперы «Волшебная флейта» и еще, и еще, все звуки гениального композитора, сложенные в произведения в его голове и записанные его божественной рукой, обрушились на мою мятущуюся душу, согрели её и обезболили. Концерт пролетел, как чашка кофе в утренней постели. Переполненный зал медленно перетек в фойе, а я присела на канапе, придерживая раненую руку. Рядом со мной сидели такие же не торопящиеся домой люди. Отогнув штормовую дверь, заглянула злобная служительница и, неприязненно поглядев в наши глаза, нагло выключила свет. Растерянные любители классической музыки побрели одеваться, а за нашей спиной гас свет. Нас выдворяли из консерватории. Все говорило об одном: «Катитесь, наконец, побыстрее, мы торопимся домой, черт бы вас драл!!!». Мне стало ясно, что не служительница злобная одна-единственная, а это общая тенденция – жажда наживы. Мне стало грустно. Заныли не только колени и локоть, но и чуть-чуть подлеченная Моцартом душа. Я вознесла Прокопию маленькую молитву: «Прости меня, я больше не буду зятя грызть!», потом – Господу: «Прости и помилуй нас всех!» и потащилась до дому. Противная слеза, выточенная «преlestными» ощущениями от стибавшихся коленок, нарушающих подсохшие корки запекшейся крови, повлекла мою руку в карман за носовым платком. Я нащупала в кармане картонный квадрат и выудила

его на свет божий. На небольшом желтом кусочке бумаги написано: «Министерство культуры Российской Федерации. Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского. Большой зал. Веселые арии Моцарта. Амфитеатр середина. Стоимость услуги 800 руб.»

*Мы оказали вам услугу, ровно на восемьсот рублей.
Если вам этой не хватило, бегите в кассу поскорей.
Там валом новые услуги лежат в компьютере горой.
Купите впрок себе, подруге и тихо топайте домой...
Консерватория вас встретит, и отзвучит симфоний ряд...
Консьерж погасит быстро свечи и нежно даст пинка под зад...
Негоже долго ковыряться, в фойе топтаться, одеваться
И отзвук вечности ловить...
Симфоний Моцарта поевши, насытившись, отяжелевши...
Должон ты зал освободить...
Консьерж, свет в зале отрубает, тебя, козлину подгоняет,
Чтоб ты не шел, как падишах...
Чтоб ты скорее шевелился, не мешкался и не томился
Звучащей музыкой в ушах...*

Какие все-таки ужасы лезут в голову, когда вечные ценности, к которым ты благоговейно прикоснулся, перечеркнуты в один миг неистребимым хамством!..

Изливая мою грусть, поэтому неприятному поводу, я вспомнила Венскую оперу, великолепный зал которой предназначался не только для музыкантов, но и для слушателей, где мне посчастливилось полгода назад слушать ассорти из Доницетти. Понятное дело у нас больница для врачей, а школа для учителей, а консерватория для билетерш...

Спустя три дня моя рука опухла и покраснела. Сейчас я сижу и баюкаю ноющую загипсованную руку. Какой же ценой русская дама средних лет существует в ткани жизненного пространства моего любимого города? Пусть сбитые коленки и сломанная рука будут самым трагическим испытанием в моей жизни.

Два процента

Я никогда не думал, что могу быть в плену у афродизиака. Афродизиаки (греч. Афроблака, от имени древнегреческой богини Афродиты) – вещества, стимулирующие или усиливающие половое влечение или половую активность. Несмотря на то, что 90 % информации мы получаем через зрение и лишь 2 % приходится на долю обоняния, все знают, что как раз эти два процента зачастую оказываются решающими. Именно благодаря запаху в крови ярким пламенем воспламеняется огонь желанья, или, наоборот, – безнадежно гаснет.

Я шел за твоими духами. Я еще не знал, что это ТЫ, меня пленил запах. Небрежно заколотые на затылке рыжеватые волосы, казалось, не тронутые расческой, испускали аромат, вскруживший мне голову и изменивший траекторию моего движения. Позже я узнал, что это были духи Poison фирмы Кристиан Диор, которые слились из серой амбры, амбергриса, мускуса, цибетина и цветка апельсинового дерева.

Я не пошел на службу, а направился прямо за запахом, рассматривая сбоку, незаметно, ТЕБЯ. Свободное чёрное пальто скрывало твою фигуру, светлый шелковый шарф с кистями цвета топленого молока развевался и трепетал на ветру. Ноги в чёрных чулках, вдетые в КРИПЕРЫ на резиновой подошве в несколько сантиметров, казались тоненькими от этой тяжелой на вид грубоватой обуви. Ты вошла в Центральный Детский мир и, когда я, не отставая, продолжал вдыхать твой аромат, едучи позади тебя на эскалаторе, недовольно обернулась и посмотрела на меня неприязненным взглядом: в чём дело? Или – какого черта? Я спустился на одну ступень эскалатора и сделал вид, что ищу что-то важное. Затаившись за огромным пиратом, сделанным из ЛЕТО, я увидел, как ты по пути сняла пальто, и удивился твоей плотной фигуре. В пальто ты казалась тоньше и стройнее. Теперь я знал, где ты работаешь, и с легким сердцем отправился на службу.

Никому не надо рассказывать, какое значение имеет запах в половом поведении животных: всякий видел, что вытворяют котики и собаки в репродуктивный период. Если у птиц более всего развито зрение, у пресмыкающихся – тактильные рецепторы и органы, улавливающие инфракрасное тепловое излучение животных, то у меня, как яркого представителя млекопитающих, хорошо развито обоняние. Вот я, как настоящее животное, бежавший за той, что магически завладела моим телом, не мог успокоиться, утратив шлейф запаха, заколдовавший мой мозг в корковом центре, в височной его доле.

Вечером я пришел в Детский мир, в отдел, где торгуют ЛЕГО, и принялся выбирать что-нибудь для своего семилетнего сына в надежде встретить ЕЁ. Я хорошо помнил серые глаза совершенно без косметики, бледное лицо с острым подбородком, тонкие губы с налетом розовой помады и несколько довольно крупных веснушек на носу. Втягивая носом заполненное людьми пространство, я вдруг с ужасом почувствовал, что не найду её никогда.

Вяло беседа с навязчивым менеджером по продажам, активно предлагающим мне то то, то сё, я даже не мог ничего спросить, так как не знал её имени. Я проклинал себя, что не познакомился с нею. Я понял, что она не работает здесь, а, так же, как и я, покупала что-то для ребенка, тем более, что по огромному торговому центру все ходят без пальто и курток, потому что жарко. Я купил Лего с каравеллой и её пассажирами.

– Еще что-нибудь хотите? – видя мою нерешительность и неторопливость, спросил навязчивый менеджер.

– Нет, спасибо.

Почему-то силы покинули меня. Ноги стали ватными. Меня задушила тоска. Мимо лавочки, где расплылось мое брэнное тело, сновали родители с детьми. Людей становилось все меньше, а я сидел и не мог сдвинуться с места.

Мой друг давно-давно путешествовал по Ирану и посетил там Голубую Мечеть. Она является одной из известных иранских исторических мечетей. Голубая мечеть находится в городе Тебриз. Она была построена по приказу правителя Кара-Коюнлу, шаха Джахана, в 1465 году. Джаханшаха считают самым могущественным правителем Кара-Коюнлу, который обладал тончайшим художественным вкусом и возводил весьма изящные постройки. Считается, что Голубая мечеть была построена как памятник в честь побед Джаханшаха. В 1779 году в результате землетрясения Голубая мечеть подверглась серьезному разрушению. Фактически от нее остался только один вход. Говорят, что строили её, добавляя в раствор мускус, и аромат его шесть веков не исчезает в этом самом входе. Мой друг вспоминает, что была страшная жара. Испепеляющий зной изводил путешественников, беспрерывно обливающихся водой из пластиковых бутылок. Под сводами входа, в тени он почувствовал облегчение и, чем дольше стоял на этом месте, тем стремительнее приходила душа и тело в гармонию и комфорт.

Одним из самых знаменитых ароматов животного происхождения является запах мускуса; это студенистое красно-коричневое вещество, которое выделяют самцы кабарги – маленького азиатского горного оленя – для привлечения самок. Сам по себе запах мускуса не каждый найдет приятным, однако он придает другим запахам чрезвычайную стойкость. Французский химик прошлого века Пьер Бертло вычислил, что для испарения миллиграмма мускуса нужно сто тысяч лет.

Я все сидел и понимал, что нужно сделать усилие над собой.

– Раз, два, три! – Мысленно считал я, готовясь подняться.

И вдруг я почувал мой – теперь уже точно! – любимый запах. Представить себе нельзя, как быстро я окреп и ожил. Я завертел головой и увидел её молочный шарф и силуэт, спускающийся по эскалатору...

Никогда не верил своему коллеге, подполковнику Берисову, утверждавшему, что любовь – это секс. А природа все-таки откорректировала мое заблуждение. Этот обвал страстей и нежности, и вдобавок еще и понимания, заполнил всего меня и мою жизнь до краев. Судьба подстроила ловушку, но Амур подружился с ангелом-хранителем, и вместо плена я получил счастье в прямом понимании этого слова.

Даша по фамилии Рыжик к этому времени уже два года, как и я, была в разводе. По имени я её никогда не звал – только Рыжиком; она и вправду рыжик, так как веснушки у нее даже на груди и на попе. Сейчас, когда прошло уже пять лет, у нас бегают маленькая рыженькая Сонька, а эти самые духи Poison я всегда привожу из командировок за рубеж. Вот и выходит, что, по крайней мере, для такого млекопитающего, как я, нос – главный сексуальный орган. У нас, как правило, обострено именно обоняние и ассоциации возникают благодаря запаху. Говорят, что еще мирра и тубероза – мощные афродизиаки, которые возбуждают мужчин и женщин, и женщины находят эти ароматы особенно действенными.

Если духами моей жены, я имею в виду, конечно, Рыжика, так как поженились мы сразу, через два месяца после Детского мира, пользуется кто-нибудь другой, то этот запах я бы назвал НИКАКИМ. Её подруга Ксюша набрызгивала на свои волосы, не жалея миллилитров Рыжика, и подбегала ко мне со словами: «Понюхай! Понюхай! Ну, что, тащишься?!?»», а на ней запах исчезал или превращался в анафродизиак. Эти духи идут только Рыжику. Жаль, что Кристиан Диор об этом не знает...

Две яйцеклетки

В центре Москвы расстояние между станциями метро небольшое. Те несколько минут, за которые поезда пролетают пространство от пункта А в пункт В, не дают возможности, если ты, конечно не едешь из одного конца Москвы в другой, поподробнее рассмотреть пассажиров и наделить их историями, не имеющими никакого отношения к этим самым подземным путешественникам.

Когда НЕТ возможности втиснуться между людьми на неудобное сидение, при этом удобно там расположиться и уткнуться в электронную книгу или смартфон, то ЕСТЬ желание пофантазировать на тему: «Кто этот человек? Какой он? Куда едет? Кем работает? Что его волнует? Каков он в быту?» И так далее. Не размышлять же бесконечно о различных делах, проблемах, планах и заботах своей жизни, тем более что всё – суета. «Нельзя сразу бросаться в кипучую деятельность по решению возникшего вопроса, нужно подождать. Он, вопрос, может сам отпасть, и все рассосётся само собой», – говорил наш зав. лаб., доктор наук, профессор. Конечно, если вспомнить слова нашего военпреда: «Вопрос не член, он может стоять сколько угодно!» – здесь несколько другой энергетический потенциал ситуации, но и тут то же самое течение мыслей вполне оправдано. Если проблема стоит или висит давно, то пусть поколеблется еще какое-то время, хлеба же не просит. Вот и получается: чем перекачивать свои несчастные мысли туда-сюда, лучше обратить внимание на окружающую среду и погрузиться в мир своих фантазий, не связанных лично с тобой. Чужие люди, другие персонажи, а проблемами их можно наделить вполне неразрешимыми и сразу станет легче, вон как все страдают, не меньше меня самой, любимой. Или не злобствовать, а, например, пуститься в легкий флирт. «Навязать» вот этому толстомордому мужику, который явно с бодуна, неожиданную романтическую связь с вон той тощей и бледно-серой курицей неопределенного возраста. Охарактеризовать взаимоотношения с сотрудниками офиса этого субтильного юноши, необщительного, погруженного в своё «я» и обиженного на весь белый свет.

Мне пора выходить, до службы ровно пять минут, и вот дела производственной деятельности поглощают меня до восемнадцати ноль-ноль...

Ах, какое счастье: наконец-то рабочий день окончен! Убаюканная плавным потряхиванием вагона метро, я возвращаюсь домой. К станции Крылатское народ чуть-чуть рассосался, и я обнаружила на опустевшем диване метро напротив меня забавную тройцу тесно прижатых людей. От Крылатского до Строгино поезд идет долго, около восьми – десяти минут. Все это время я с интересом и, конечно, украдкой наблюдала за ними. Между двух могучих ядро-толкательниц сидел худенький, с большой головой, закутанный в серый шарф с кистями и в очках, мужчина. Огромная женщина примерно тридцати лет, сидящая справа от очкарика, килограммов под сто десять, поместила между ног на полу вагона объёмную сумку. Не отрывая глаз от мобильного телефона, она толстыми пальцами тыкала в дисплей, покачивая в такт движению поезда круглыми, необъятными коленями. Соседка слева, имела меньший – примерно на пять кило – вес, тоже не отрывалась от смартфона, и меж её, тоже не маленьких ног, покоился баул. Обе дамы сидели вплотную к узким плечикам мужчины, не давая ему возможности прижать локти к своим тощеньким бокам, и он, сжатый в неудобной позе – ручки вперед, ножки рядышком – одним пальцем в районе коленок придерживал сплюснутый портфель. Румяные щеки дам пламенели в сравнении с бледным, сухощавым личиком мужчины. От обеих исходил яростный и всепоглощающий заряд женского начала, способный и коня на скаку..., и в горящую избу..., и спасти, и накормить, и спать уложить. Время от времени они искоса фиксировали своего соседа, сначала изучающим взглядом, потом уже более теплым, дружески-любовным. Большеголовый мне напомнил хвостатого сперматозоида на перепутье. Куда нырнуть? Налево или направо? При этом нырнуть следует обязательно, две яйцеклетки так просто не

отпустят! Они созрели для полнокровной жизни на земле и возьмут свое при любых обстоятельствах! Его дальнейшие действия predetermined, правда, выбор все-таки есть! В один прекрасный момент мне даже показалось, что он сделал слабую попытку вырваться из тисков, но, задавленный могучими плечами, в смирении и тепле покатился дальше навстречу судьбе.

Вырвался он и спасся или нет, мне неизвестно, так как я вышла на станции Строгино, а «яйцеклетки» еще теснее прижались к сперматозоиду, и его обреченный взгляд затравленно посмотрел мне вслед. «Держись мужик! Попался!» – игриво улыбнулась я и выпита.

Заварка для белья

Несмотря на то, что моя мама утверждала, будто она произошла от пришельцев, реальная картина её корней все же просочилась сквозь коммунистические происки советского времени.

Её мама, урожденная Анна Глинская, утверждала, что хорошо помнит, как её бабушка рассказывала о годах обучения в Смольном институте в Петербурге. В это учебное заведение принимали дочерей лиц чинов не ниже полковника и действительного статского советника на казённый счёт и дочерей потомственных дворян за годовую плату, и готовили их для придворной и светской жизни.

Бабушка Анечка, или Бабанечка, как её звали мы все, прожила нелегкую жизнь, но смогла вдохнуть в своих дочерей любовь к этой самой жизни и необыкновенное чувство юмора. Моя мама, женщина с царственной осанкой и божественными чертами лица, всегда смеялась, когда муж её родной сестры называл маму Великой Екатериной Третьей. Несмотря на бедное детство и тяжелую жизнь, рачительной хозяйкой она так и не стала. В её характере присутствовала некая дворянская широта души, расточительность и доброта. Щедрость и радушие не позволили скопить грош на черный день, она отдавала последнее и никогда не жалела об этом.

Глядя на неё, моя молодая жена, воспитанная в бедности и тщательной экономии, к сожалению – а может, и к счастью – переняла мамино отношение к жизни. Отсутствие педантичности в характере, некоторая небрежность в быту и умение посмеяться над собой не привели к мелочному истязанию ближнего в семье из-за неудачного планирования бюджета или множества других, сопутствующих семейной жизни, проблем.

То, что мы с женой могли одновременно в один и тот же день купить по велосипеду, так как давно собирались это сделать, и, не сговариваясь, каждый получил премиальные деньги и притащил к вечеру домой железного коня, говорило о нашем одинаковом восприятии жизни. А уж покупка хлеба, кефира, фруктов и так далее, оканчивалась порой просто гомерическим хохотом, когда мы приносили после работы – и она, и я – все по полному объему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.